

УДК 929 Елена Кантакузина Палеологина (100)*2 + 94“04/14”

Т. В. Куш

ЕЛЕНА КАНТАКУЗИНА ПАЛЕОЛОГИНА: ПОРТРЕТ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ*

Представлен опыт биографической реконструкции портрета византийской императрицы Елены Кантакузины Палеологины (1333–1397). Показана ее роль в политической и интеллектуальной жизни поздней Византии на материалах греческих и латинских источников.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поздняя Византия; византийская императрица; интеллектуальная жизнь; женщина и власть в Византии.

«Изучение роли женщин как двигателей исторического и культурного процесса в Византии — будь то латинские принцессы, входящие посредством брака в византийские царствующие семьи, или греческие патронессы греческих рукописей, — а не безмолвного объекта истории, фиксируемой и создаваемой мужчинами, — одно из наиболее очевидных новых направлений в нашей дисциплине» [Шевченко, с. 492]. Этими словами американский византинист И. Шевченко определил перспективность изучения роли и места женщин в политической и культурной жизни Византии. Данное исследование, представляющее собой опыт биографической реконструкции, выполнено в рамках этого направления современной историографии.

В галерее образов знаменитых женщин Византии, мастерски написанных французским историком Ш. Дилем, представлены в основном дамы высшего света [см.: Диль]. Блестящие и неординарные, властные и очаровательные, завоевавшие известность своими добродетелями и прославившиеся интригами,

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.А18.21.0480 «Император и элиты: модели взаимодействия в кризисные периоды истории Византии».

жертвы и охотницы, жены и фаворитки — эти столь разные персонажи бок о бок соседствуют на страницах книги Диля. Впрочем, чередой созданных им портретов отнюдь не исчерпывается перечень тех представительниц прекрасного пола, кого собственные таланты либо неожиданные коллизии жизненного пути в разные времена выводили на авансцену византийской истории. К числу не упомянутых в его книге, но безусловно достойных нашего внимания исторических персонажей относится императрица Елена Кантакузина Палеологина (1333—1397) [см.: *Prosopographisches Lexikon*, № 21365].

Эта женщина, соединившая в своем имени две самые знаменитые фамилии эпохи, оказалась вовлеченной во все политические перипетии одного из наиболее бурных периодов византийской истории. Сама дочь императора, она стала женой другого императора. Императорский же титул носили и двое ее сыновей, а два последних императора Византии были ее внуками. В ее биографии как в зеркале отразилось время, полное трагизма и крутых поворотов истории, повлекших за собой череду головокружительных взлетов и падений в жизни этой женщины. Она в полной мере познала переменчивый нрав фортуны, которая то одаривала ее своей благосклонностью, то насылала испытания и невзгоды.

В историографии Елене Палеологине уделено незаслуженно мало внимания: о ней обычно упоминают лишь при реконструкции генеалогических линий правящего дома [см.: Nicol, p. 135—138; Papadopoulos, S. 46]. Она всегда находилась в тени отца, мужа и сыновей — императоров и главных героев своей эпохи. К тому же ни одно из ее сочинений, столь высоко оцененных современниками, до нас не дошло, что, увы, не позволяет нам воздать должное ее литературным талантам. Тем не менее эта незаурядная женщина отнюдь не была рядовой статисткой, играя заметную роль в политической и интеллектуальной жизни империи, что уже само по себе достаточно, чтобы вызвать исследовательский интерес к ее биографии.

Пытаясь воссоздать портрет Елены, будем опираться на мнения и оценки людей, входивших в ее ближайшее окружение. Прежде всего это шесть писем, адресованных ей видным интеллектуалом и политиком поздней Византии Дмитрием Кидонисом. Особенно важно для нас письмо, относящееся к 1392 г. [см.: Démétrius Cydonès, ep. 222]: самое большое в эпистолярном корпусе Кидониса (204 строки) [см.: Kianka, 1992, p. 161], оно представляет по своей сути панегирик императрице. Кроме того, некоторые сведения об участии Елены в политических делах содержатся в сочинениях ее сына, императора Мануила II Палеолога, «Нравственный диалог, или О браке» [см.: Manuel Palaiologos] и «Надгробная речь наиболагочестивейшего и христолюбивого императора господина Мануила Палеолога в память о его порфирородном брате, деспоте господине Феодоре» [Manuel II Palaeologus].

Родившаяся в 1333 (1334) г. Елена была младшей дочерью Иоанна Кантакузина, взошедшего 21 мая 1347 г. на императорский трон под именем Иоанна VI. Через несколько дней после коронации отца¹ в храме Богоматери Влахернской

¹ 24 или 28 мая 1347 г. [см.: Schreiner, vol. 2, S. 271].

состоялось венчание Елены и императора-соправителя Иоанна V Палеолога [см.: Papadopoulos, S. 46], который с вступлением на престол Иоанна Кантакузина оказался отстранен им от власти. Этими событиями закончился долгий период гражданской войны (1341–1347), которую вели друг с другом придворная группировка во главе с матерью юного императора Иоанна V Анной Савойской и сторонники великого доместика Иоанна Кантакузина. Брак Елены и Иоанна V был призван помирить враждующие партии и через установление родственных связей с правящей фамилией легитимизировать власть нового правителя [см.: Dölger, S. 29]. Так, уже в 13 лет Елена оказалась вовлеченной в большую государственную игру. Действительно, этот брак стал результатом политического расчета ее отца, и потому неудивительно, что в отношениях между супругами не было теплоты². Елена родила пятерых детей: Андроника, Ирину, Мануила, Михаила и Феодора, из которых двое в будущем стали императорами — Андроником IV и Мануилом II, а двое младших — деспотами. Дети ее сыновей Андроника и Мануила также будут носить императорский титул³.

Елена получила блестящее образование под руководством уже упомянутого Димитрия Кидониса. В одном из писем он отмечал «аттическую грациозность» ее слога [см.: Démétrius Cydonès, ep. 389. 8]. Ее муж Иоанн V, на службе у которого находился Кидонис, не соответствовал описанному последним идеалу просвещенного правителя, ибо, в отличие от жены, не проявлял интереса к научной деятельности⁴. Но это только оттеняло литературные способности его супруги. О высоком уровне образования императрицы свидетельствует круг ее корреспондентов. Среди них были крупнейшие интеллектуалы своего времени — все тот же Димитрий Кидонис, историк Никифор Григора, патриарх Филофей Коккин (он посвятил Елене трактат о восхвалении души [см.: Prosopographisches Lexikon, № 11917]), а это значит, что она хорошо владела риторическим мастерством и нормами эпистолярного общения, которое в среде византийских интеллектуалов превратилось тогда в настоящее искусство [см. об этом: Куш, 2005, с. 5–15].

Кидонис приступил к исполнению обязанностей наставника юной императрицы, сам будучи еще довольно молодым. Возможно, он испытывал к ученице не только дружеское расположение. Она была единственной женщиной, о ком он хорошо отзывался и с кем поддерживал отношения на протяжении всей своей жизни. Не эта ли сердечная привязанность вынудила Кидониса отка-

² Брак, заключенный из прагматических соображений, не породил душевных привязанностей супругов. Кроме того, согласно Дуке, Иоанн посвящал слишком много времени другим женщинам [см.: Ducas, S. 44].

³ Сын Андроника IV Иоанн VII получит титул императора в 1376 г., после коронации своего отца, узурпировавшего власть, и впоследствии будет вести борьбу за престол со своим дядей Мануилом II. Сыновья Мануила II Иоанн VIII и Константин XI унаследуют его престол и станут последними византийскими императорами.

⁴ В послании Иоанну V Кидонис, зная нелюбовь императора к чтению, извиняется за свое многословие, которое могло утомить венценосного адресата: «...Я знаю, что превысил размер письма и что Вас не радует чтение длинных речей» [Démétrius Cydonès, ep. 117. 75–77].

заться от матримониальных планов и выбрать холостяцкую жизнь? Он не жаловал женщин, и, вероятно, Елена стала единственным исключением, потому что ей не было присуще «кокетливое жеманство других дам» [Démétrius Cydonès, ep. 222. 145]⁵.

Елена, в свою очередь, много сделала для своего бывшего наставника, которому его политические пристрастия, религиозные взгляды и довольно сложный характер создали немало проблем при дворе. Ее заступничество позволило Кидонису вернуться после опалы, последовавшей за смещением Иоанна VI Кантакузина, правительство которого он возглавлял, на государственную службу в 1355 г., когда муж Елены Иоанн V Палеолог вернул ему пост первого министра (месадзона) [см.: Beck, S. 312–316]. Еще раз Елена помогла Кидонису вернуть императорскую милость в 1374 г., после чего он, благодаря ее поддержке, сохранял свое положение во власти на протяжении еще долгого времени [см.: Kianka, 1992, p. 163]. Она же выбрала его в качестве наставника для своего сына, будущего императора Мануила II, и тем самым способствовала воспитанию под руководством мудрого учителя одного из наиболее образованных правителей в истории Византии. Позднее в знак признательности за все, чем была обязана Кидонису, Елена завещала ему часть своего имущества после того, как решила принять постриг в монастыре Святой Марфы [см.: Nicol, p. 137; Tinnfeld, S. 46, Anm. 261]. Кидонис высоко ценил ее расположение: «Мне, уважаемая императрица, Господь подарил твое заботливое внимание и вместе с ним все хорошее и желанное, о чем только могут мечтать люди. Проявления этой милости сопровождали меня на протяжении всей моей учительской жизни, и ты всегда давала мне больше, чем я мог бы пожелать себе сам» [Démétrius Cydonès, ep. 222. 5–9]. В конце жизни Кидонис признавал, что Елена всегда благоволила ему и оказывала поддержку: «Господь послал тебя нам как удивительное лекарство, которое приносило изумительную силу и помогало в нужде, болезнях, интригах, унынии, в каждой ситуации, где необходимо было содействие» [Ibid., ep. 222. 26–28]. Преданность учителю — одна из добродетелей, украшавших Елену.

Елена Палеологина была сторонницей учения Паламы [см.: Kianka, 1992, p. 158], тем не менее она вполне терпимо относилась к его оппонентам, в числе которых были латинофилы из ее ближайшего окружения. Тот факт, что Кидонис, будучи сторонником западной культуры и ярким антипаламитом, направил Елене для прочтения и замечаний свой перевод столпа западной схоластики Фомы Аквинского, свидетельствует не только о том, что он высоко ценил мнение императрицы, но и о том, что она была толерантна к латинофильской позиции своего наставника. Блестящее образование Елены позволило ей по достоинству оценить переводы трудов Аквината, о чем с восторгом упоминает Кидонис в одном из своих писем [см.: Démétrius Cydonès, ep. 25; Kianka, p. 157]. О том, что она не просто благоволила к латинофилам, но и сама испытывала симпатии к Западу, говорит и тот факт, что папа Урбан V хвалил Елену

⁵ Здесь и далее перевод источников с греческого и латинского языков выполнен автором статьи.

за усердие в делах веры и дружелюбие по отношению к латинянам [Acta Urbani V, № 124 (6.11.1367)]. Ее муж Иоанн V занимал еще более выраженную латинофильскую позицию и даже в 1369 г. подписал католический Символ веры во время своей поездки в Рим [см.: Halecki, p. 188—202].

Елена играла заметную роль в религиозной и литературной жизни столицы. Возвращенная одним из образованнейших людей своего времени, окруженная известными интеллектуалами, она оказалась в эпицентре культурных событий эпохи, с интересом изучала труды своих современников и тексты древних, обсуждала вопросы риторики, выносила суждения о книгах, ею прочитанных. Судя по письмам Димитрия Кидониса, Елена неоднократно получала от него в дар его сочинения и переводы, ибо он высоко ценил ее авторитетное мнение [Démétrius Cydonès, ep. 25; 256].

И сама она не была чужда литературным опытам. Кидонис писал ей: «Ты заслужила честь трудами, вышедшими из-под твоего пера, и занималась литературными штудиями с таким успехом, что превзошла многих, кто состарился, изучая риторику» [Ibid., ep. 222.190—192]. К сожалению, сочинения императрицы не сохранились, но высокие оценки, данные современниками ее литературным творениям, красноречиво говорят о неординарных способностях, которыми она обладала.

Из письма Кидониса известно, что Елена составила хвалебную речь в честь одной из побед своего отца. Письмо датируется 1347—1352 гг. [см.: Kianka, 1992, p. 155] — временем, когда Иоанн VI Кантакузин еще находился у власти (его низложили в 1354 г.). Этот панегирик юной императрицы заслужил высокую оценку ее наставника. В письме к своей бывшей ученице Кидонис восхищается безукоризненным стилем и изяществом ее слога: «Прекрасные слова посвятила великолепная дочь великолепному отцу» [Démétrius Cydonès, ep. 389.4]. «Венок из слов», которым увенчала Елена императора-отца, достоин, по мнению Кидониса, самых высоких похвал: «Мы слушали, как в женских устах расцвел звук, который нас столь очаровал» [Ibid., ep. 389.10]. Своими литературными и риторскими успехами Елена, по словам интеллектуала, опровергла известное мнение Софокла о том, что «молчание украшает женщину» [Ibid., ep. 389.12—13]. Радуюсь ее успехам, наставник желал ей и впредь «такой красоты, что превосходит красоту Елены, ибо красота слова бессмертна» [Ibid., ep. 389.18]. И если красота героини Гомера стала причиной раздоров и войн, то красота слова, считает он, принесет славу автору и пользу близким людям [Ibid., ep. 389.19—25].

Впрочем, это были всего лишь благие пожелания. Никакое искусное владение изящным слогом не могло уберечь членов правящей династии от участия в раздорах и войнах, раздиравших империю. И в период конфликта между Иоанном V и его старшим сыном Андроником IV — конфликта, который Дж. Деннис назвал настоящей гражданской войной [см.: Dennis, p. 41]⁶, Елена поневоле была втянута в семейную распрю. Она оказалась меж двух огней: «каждый раз одерживавшая верх сторона подозревала тебя в сочувствии к по-

⁶ Подробно о междоусобице второй половины XIV в. см.: [Куц, 2011, с. 35—40].

бежденным» [Démétrius Cydonès, ep. 222.61–62], ведь императрица, по выражению Кидониса, испытывала «сочувствие и к победителям, и к побежденным» [Ibid., ep. 222.59].

В 1376 г. Андроник сместил с трона отца и захватил власть в империи, заточив Иоанна V и своих младших братьев Мануила и Феодора в тюрьму Анема, где им пришлось провести около трех лет в весьма суровых условиях. Мануил не жалеет темных красок, описывая то плачевное положение, в котором они очутились, находясь в «мучительном» заточении, когда «обстоятельства вынуждали нас ненавидеть даже самую жизнь, которой другие дорожат, потому что для нас она была полна страдания» [Manuel II Palaeologus, p. 105. 8–10]. Об условиях в тюрьме Кидонис так писал в послании к человеку из императорского окружения, пережившему подобный печальный опыт: «...мрачная, но еще более зловонная пещера; кандалы, которые стесняют ноги; хлеб скорби; питье, смешанное со слезами; варвар, который охранял вас; отсутствие друзей; оскорбления и ожидание будущего, которое было еще хуже, чем настоящее» [Démétrius Cydonès, ep. 224.5–9]. Но неожиданно для пленников, вспоминает Мануил, сверкнул луч надежды: Феодор получил предложение «выйти из тюрьмы, подписав определенное соглашение, скрепленное клятвой» [Manuel II Palaeologus, p. 105. 14–15]. Соглашение было отвергнуто. Упоминание о таком развитии событий влечет за собой много вопросов, которые Мануил оставляет без ответа. Кто мог предложить подобного рода соглашение Феодору? Возможно, Елена Палеологина, разрывавшаяся между своими сыновьями — Андроником, с одной стороны, и Мануилом с Феодором и своим мужем Иоанном V, с другой, могла повлиять на старшего сына и постаралась убедить его заключить сепаратное соглашение с младшим братом Феодором. Ведь она «всегда предпочитала слабую сторону и оказывала незначительное внимание сильной стороне» [Démétrius Cydonès, ep. 222.63–64]. Дж. Хрисостомидис, наоборот, считает маловероятным участие Елены в переговорном процессе [см.: Manuel II Palaeologus, p. 104, not. 24], так как обеими сторонами она воспринималась как предательница, а ее вмешательство встречалось негодованием. Кидонис по этому поводу писал: «Когда он [Иоанн V] сидел с сыновьями в тюрьме и власть была в руках тех, кого ты должна была любить в той же степени, что и арестованных, ты имела сострадание и к заключенным, и пленившим их, и тебя укоряли обе стороны: одни — за то, что получали мало помощи, другие — полагая, что их интересам перечит эта просьба матери за своих детей» [Démétrius Cydonès, ep. 222.67–73]. Душа Елены, по образному выражению Кидониса, была расколота из-за вражды близких и дорогих ей людей [Ibid., ep. 222.80].

В 1379 г. муж и сыновья Елены бежали из тюрьмы. С возвращением Иоанна V на престол Андроник IV укрылся в Галате, генуэзской колонии, находившейся по другую сторону Золотого Рога. Он прихватил с собой в качестве заложников саму Елену, ее отца, экс-императора Иоанна Кантакузина, ее сестер и дочь. Об этих событиях подробно пишет Кидонис: «Тотчас взвалили вину на императрицу; решили, что она должна быть наказана за побег, и отправили за пределы города к варварам⁷. Там ты была отлучена от света, свежего воздуха и вообще от всего, что нужно человеку для жизни, осужденная

на полное неведение обо всем происходившем снаружи, находясь в месте, которое никто, кроме самым необходимых слуг, не отважился посетить. И словно было недостаточно этих несчастий, решили, дабы усугубить твои страдания, бросить в темницу твоего отца-императора, человека, который своими делами прославил свою фамилию, а с ним также твоих сестер и дочь, женщин, достойных своего происхождения и не уступавших ни одному мужчине... Итак, все были в темнице и у дверей стояли жестокие стражники, которым было поручено оскорблять вас словами, взглядами и всеми теми средствами, которыми они прежде заставляли работать домашнюю прислугу» [Démétrius Cydonès, ep. 222.92–110].

Бедственное положение в плену усугублялось опасностью, которая исходила от распространившейся в осажденной Галате чумы и последовавшего за ней голода [Ibid., ep. 222.111–115; подробнее см.: Куц, 2008, с. 50]. Однако осложнившаяся внешнеполитическая ситуация — венецианско-генуэзская война и давление со стороны турецкого султана Мурада I — вынудила конфликтующие стороны искать компромисса и примирения. В 1381 г. Андроник получил Силимврию и был признан наследником. Елена и ее близкие вышли на свободу в мае 1381 г. под радостные возгласы жителей столицы: «Не было никого, кто захотел бы остаться дома, когда сообщили о твоём возвращении, и весь город стекался к самому удобному для обозрения месту, чтобы поприветствовать тебя» [Démétrius Cydonès, ep. 222.134–135].

В отличие от Андроника, обрекшего мать на неволю, младшие сыновья Елены Мануил и Феодор испытывали к ней глубочайшее почтение. Как замечает Мануил, «она, как все знают, была единственной душой, вовлеченной в наши общественные и частные дела, которые, когда мы лишились ее, совершенно пришли в упадок» [Manuel II Palaeologus, p. 241. 30–32].

Елена, вероятно, обладала политическим чутьем и пониманием логики происходящих событий, могла дать дельный совет и поддержать в принятии ответственного политического решения. Не вмешиваясь напрямую в государственные дела, оставаясь в тени правителя, она тем не менее имела политический вес и мнение, к которому ее окружение прислушивалось. Один из примеров — история возвращения Димитрия Кидониса ко двору в 1374 г. В одном из своих писем он обратился к Елене за советом о том, как ему выйти из затруднительного положения. Осенью 1373 г. Кидонис по приглашению Франческо Гаттилузи, генуэзского правителя острова Лесбос, уехал в г. Митилену, не получив на то разрешение Иоанна V, чем вызвал недовольство василевса и его соправителя Мануила [Tinnefeld, S. 28–29]. Более того, Иоанн, возможно, заподозрил Кидониса в сговоре с Гаттилузи против интересов императора [см.: Kianka, 1985, p. 206–207]. Стремясь вернуться в Константинополь на службу, но опасаясь императорского гнева, опальный царедворец обратился за посредничеством к Елене. Он попросил ее совета, который, по его словам, принял бы как прорицание [см.: Démétrius Cydonès, ep. 134.28]. Кидонис в риторически

⁷ Под варварами понимаются генуэзцы, которым принадлежала Галата.

изысканных выражениях восхвалял то, как императрица всегда покровительствовала ему при дворе: «Когда я ранее обладал этим богатством, то не ценил его, но, потеряв ныне, я понял его ценность. Я мог посещать тебя, когда хотел, и наслаждаться общением с тобой, которое Господь даровал как лекарство для страждущих, и когда меня швыряло штормом из стороны в сторону, я мог найти укрытие на твоей стороне, как в тихой гавани, которая ни для кого не закрыта» [Démétrius Cydonès, ep. 134.4–10]. Расположение, которое Елена испытывала к своему прежнему наставнику, побудило Кидониса обратиться к ней с просьбой повлиять на императора и заставить его сменить гнев на милость: «Я умоляю тебя сделать их [Иоанна V и Мануила] более снисходительными по отношению ко мне; я прошу прислать мне письмо с советом, который я приму, словно это оракул, и обещаю ничего не делать вопреки тому, что тебе кажется наилучшим» [Démétrius Cydonès, ep. 134.27–29]. В результате заступничества Елены Кидонис вернулся в столицу зимой 1374 г.

Очевидно, что Елена активно участвовала в политической жизни, давая советы мужу и детям, участвуя в приемах иностранных послов. Особенно ее влияние усилилось, когда на престол взошел Мануил II Палеолог, ее любимец. Как признавал сам Мануил, мать «имела огромное влияние на своих сыновей, советуя, что им делать» [Manuel II Palaeologus, p. 103. 3–4]. Во время похода Мануила II в Малую Азию в 1391 г. Елена по сути исполняла обязанности регента. О ее верховных полномочиях на время отсутствия в столице императора свидетельствуют, в частности, венецианские документы. Весть о том, что «император Константинополя отбыл к туркам» [Démétrius Cydonès, p. 443, app. D15, 7]⁸, заставила Венецию, внимательно следившую за происходившим в Византии, учесть это обстоятельство в своей политике. В решении венецианского сената от 24 июля 1391 г. о назначении в Константинополь нового байло⁹ тому предписывалось по приезду, в случае отсутствия императора, представиться императрице-матери: «Назначенный нами байло, в случае если названный господин император не вернется до прибытия наших галей, пусть выберет время появиться перед госпожой императрицей (*coram domina imperatrice*) и представиться ее величеству; и он должен будет представиться господину императору, как только тот вернется» [Thiriet, p. 191, № 798]. Прием прибывающих в столицу иностранцев, уполномоченных представлять интересы своих государств, составлял одну из ключевых функций императора. Данный сюжет показывает, что Елена обладала верховной властью во время отсутствия василевса, выполняя его обязанности.

Ее продолжали воспринимать как наделенную реальной властью императрицу и после возвращения Мануила II из похода. В документах венецианского сената от 20 июля 1392 г. она и ее сын названы вместе (*ipsam et eius matrem*) [Démétrius Cydonès, p. 449–450, app. D 20, 8–9]. По всей вероятности, Елена

⁸ Речь идет об отъезде императора 8 июня 1391 г. из столицы для участия в малазийском походе Баязида I [см.: Barker, p. 86].

⁹ Байло — глава венецианской колонии Константинополя и одновременно посол при императорском дворе.

вновь взяла на себя обязанности регента на время поездки Мануила в 1393—1394 г. в г. Серры к турецкому султану Баязиду I [см.: Barker, p. 120, not. 47].

Об участии Елены в политических делах упоминает и сам Мануил II. В «Надгробной речи» он замечает, что императрица-мать одобрила решение его младшего брата деспота Морей Феодора продать Коринф госпитальерам (1396) [см.: Медведев, с. 31]. Как признавал Мануил, они «были неспособны защитить город сами (от турок. — *T. K.*)» и считали, что из имеющихся возможностей госпитальеры были наилучшей», ибо «город либо должен был быть захвачен осаждающими, то есть турками, либо передан тем, кто был способен защитить его от нависшей угрозы» [Manuel II Palaeologus, p. 107.22—25]. Если Елена и не участвовала непосредственно в обсуждении этого вопроса, то по крайней мере она была хорошо осведомлена о происходивших на Пелопоннесе событиях и могла вынести свое суждение о предпринятых ее сыновьями политических шагах.

Судя по свидетельству Мануила II, именно мать определяющим образом повлияла на принятое им решение связать себя узами брака [см.: Куц, 2012, с. 83—88]. Мануил женился довольно поздно с точки зрения матримониальных традиций того времени — в 41 год. На этот шаг он решился, по всей вероятности, после долгого обсуждения данного вопроса с матерью — обсуждения, которое было отражено им позднее в риторически изысканном произведении «Поучительный диалог, или О браке» (1394—1396) [см.: Manuel Palaiologos].

Откладывание брака вызывало беспокойство императрицы-матери, которая осознавала политическую опасность подобного положения вещей. Правителю, не связавшему себя брачными узами, неизбежно приходится сталкиваться с династическими проблемами. Его опрометчивый отказ от женитьбы не только ставит под угрозу преемственность власти в силу отсутствия прямых и, что особенно важно, законных наследников, но и расшатывает престол под ним самим, делая его уязвимым в случае междоусобицы, подобной целой череде распрей, которые пришлось пережить Мануилу на пути к власти.

Брак был заключен 10 февраля 1392 г. Избранницей императора стала Елена Драгаш [см.: Prosopographisches Lexikon, № 21366], дочь сербского правителя Константина Драгаша¹⁰. Примечательно, что венчание Мануила и Елены состоялось вскоре после вступления его на престол и бунта его племянника Иоанна VII: тогда проблема престолонаследия при холостом и бездетном императоре приобрела особую остроту. Именно на это указывала императрица, отмечая опасность, грозившую стабильности династии и лично ее сыну [Manuel Palaiologos, p. 110, 911—915; 112, 941—943; 116, 995—996]. Видимо, эти аргументы и вынудили закоренелого холостяка из чувства долга и крайней политической необходимости отважиться на брак [Ibid., p. 44]. В этом важном вопросе Елена показала себя как «женщина проницательного ума и настоящий ветеран династической политики» [Reinert, p. 295].

¹⁰ Елена Драгаш после смерти мужа, как и ее свекровь, примет постриг и проведет за стенами монастыря четверть века.

«Диалог о браке», написанный Мануилом II, свидетельствует об отрицательном отношении Елены к собственному внуку — Иоанну VII, который, как и его отец Андроник IV, имел ярко выраженные политические амбиции и стремился к власти, конфликтуя с собственным дядей. В этом произведении Елена характеризует Иоанна как коварного и вероломного человека, стремящегося к узурпации трона: он «учится всеми способами присваивать власть» [Manuel Palaiologos, p. 114. 981—982], на каждом углу кричит, что он «больше заботится об империи, чем ты» [Ibid., p. 114. 984—985], «постоянно затевает всяческие интриги» [Ibid., p. 110. 898—899]. Трудно сказать, действительно ли Мануил описывал отношение своей матери к Иоанну VII или же вложил в ее уста свои собственные чувства и эмоции, которые питал к мятежному племяннику. Скорее всего, Елена действительно не испытывала большой привязанности к старшему внуку, который так походил на всех Палеологов и столь мало напоминал Кантакузинов.

После кончины своего мужа, императора Иоанна V, умершего 19 февраля 1391 г., Елена спустя некоторое время¹¹ приняла постриг под именем Гипомоны¹² в столичном монастыре Святой Марфы [см.: Schreiner, S. 183, chr. 22/22]. Несмотря на монашеские одеяния, она продолжала активно участвовать в политической жизни империи, оставаясь верной помощницей своего багрянородного сына в государственных делах. Принятие монашеских обетов членами императорской семьи далеко не всегда влекло за собой полное удаление их от мира и власти. Умерла Елена в августе 1397 г.¹³

В последнем письме, адресованном Елене в 1392 г., Димитрий Кидонис, оглядываясь на прожитые годы, вспоминал все то, что пришлось пережить императрице, перечислял ее победы и неудачи, говорил о твердости ее характера и кротости души. Произнося славословия в адрес Елены, ее бывший наставник отмечал, что она «украсила свою жизнь на этом свете многими добрыми делами, почитала родителей и любила родственников, доказывала свою дружбу благодеяниями, но огорчала противников, верно служила делу своими поступками в близком окружении и в обществе, во всех отношениях вела себя соответственно императорскому достоинству» [Démétrius Cydonès, ep. 222.157—162].

Письмо Кидониса, восхваляющее добродетели и превозносящее заслуги Елены, произвело сильное впечатление на ее сына, императора Мануила II, которому выпала честь в присутствии аудитории зачитать вслух Елене этот панегирик. Содержание пространного послания глубоко тронуло василевса,

¹¹ Вероятно, после 20 июля 1392 г. [см.: Kianka, 1992, p. 163].

¹² В переводе с греч. Гипомона — терпение, стойкость, выдержка.

¹³ О дате смерти Елены в литературе есть расхождения. Опираясь на сообщение Халкокондила [Laonici Chalkosandyiae, II: I, p. 75—76], считалось, что Елена умерла в период 1383 — 1385 гг., после чего Иоанн V повторно женился на Евдокии, дочери трапезундского правителя Алексея III Великого Комнина [Paradopolos, s. 46]. В. Лоран отнес смерть Елены на период октября — декабря 1396 г. [Laurent, 1955, p. 135—138; 1956, p. 200—201]. Д. Никол полагал, что она умерла в ноябре 1396 г. [Nicol, p. 137]. Такой же датировки придерживался и Дж. Баркер [Barker, p. 146]. Согласно византийской хронике, опубликованной Е. Миони в 1981 г., Елена умерла в августе 1397 г. («В августе месяце 6905 года упокоилась благочестивая августа, мать василевса господина Мануила, монахиня, принявшая имя Гипомони» [Mioni, p. 75. № 24]).

показав ему величие, мудрость и благородство его матери, поведав об испытаниях, которые выпали на ее долю, и мужестве, с которым она их принимала. Чувства, испытанные Мануилом при прочтении, он передал в благодарственном письме, отправленном Кидонису: «Я прочел от твоего имени моей матери императрице твое изумительно ласкающее слух письмо, где ты говорил о ее горькой судьбе, — письмо, которое я, будучи покорен прочитанным, не выпускал из рук, пока не запечатлел в душе каждое слово. То, о чем я подозревал и раньше, теперь еще более живо предстало мне из твоего письма, и я очень этому рад. Поскольку все посчитали его совершенно великолепным, ибо ты превзошел самого себя, то ты тем самым ясно показал, что действительно преуспел в этом великом деле» [The Letters of Manuel II Palaeologus, ep. 23].

Елене выпало жить в сложные времена: Византия вступила в полосу глубокого внутри- и внешнеполитического кризиса, приведшего в итоге к падению империи уже при ее внуке Константине XI. Признаки грядущего заката некогда могущественной империи были уже налицо: бесконечные внутренние раздоры, вторжения врагов извне, экономический коллапс, религиозно-идеологические конфликты, сотрясавшие общество. Елене судьба уготовила быть не сторонней наблюдательницей, но активной участницей политической и интеллектуальной жизни своего отечества. На ее долю выпало немало испытаний, которые императрица с достоинством вынесла, что дало основание Димитрию Кидонису на излете ее дней сказать, что она всегда оставалась «украшением своего рода и венцом императорской власти» [Démétrius Cydonès, ep. 222. 189]. Высокий ранг и личные качества Елены позволили ей быть не пешкой, а королевой в той игре, которая разыгрывалась в последнее столетие византийской истории.

Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994. 446 с. [Dil' Sh. Vizantijskie portrety. M., 1994. 446 s.].

Куш Т. В. Внутридинастическая борьба в поздней Византии (по «Диалогу о браке» Мануила II Палеолога) // Урал. ист. вестн. 2011. № 3 (32). С. 35–40. [Kusch T. V. Vnutridinasticheskaya bor'ba v pozdnej Vizantii (po «Dialogu o brake» Manuila II Paleologa) // Ural. ist. vestn. 2011. № 3 (32). S. 35–40].

Куш Т. В. Матримониальный путь укрепления императорской власти: рассуждения Мануила II Палеолога о браке // Средние века. 2012. Вып. 73 (1/2). С. 73–91. [Kusch T. V. Matrimonial'nyj put' ukrepleniya imperatorskoj vlasti: rassuzhdeniya Manuila II Paleologa o brake // Srednie veka. 2012. Вып. 73 (1/2). S. 73–91].

Куш Т. В. Чума в поздней Византии // Византийский временник. 2008. Т. 67 (92). С. 38–56. [Kusch T. V. Chuma v pozdnej Vizantii // Vizantijskij vremennik. 2008. T. 67 (92). S. 38–56].

Куш Т. В. Эпистолярная практика в поздней Византии // Изв. Урал. гос. ун-та. 2005. № 39. [Сер.] Гуманитар. науки. Вып. 10. С. 5–15. [Kusch T. V. Epistolyarnaya praktika v pozdnej Vizantii // Izv. Ural. gos. un-ta. 2005. № 39. [Ser.] Gumanitar. nauki. Вып. 10. S. 5–15].

Медведев И. П. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973. 162 с. [Medvedev I. P. Mistra. Ocherki istorii i kul'tury pozdnevizantijskogo goroda. L., 1973. 162 s.].

Шевченко И. Восприятие Византии // Московия. Проблемы византийской и новогреческой филологии. Т. 1 (1998). М., 2001. С. 481–494. [Shevchenko I. Vospriyatie Vizantii //

- Moskoviya. Problemy vizantijskoj i novogrecheskoj filologii. T.1 (1998). M., 2001. S. 481–494].
Acta Urbani V (1362–1370) // Pontificia commissio ad redigendum Codicem iuris Canonici orientalis / ed. A. L. Tautu. Vaticano. 1964 (Fontes. Ser. 3; vol. 11).
- Barker J. W.* Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. N. Brunswick ; N. Jersey, 1969. 697 p.
- Beck H.-G.* Der byzantinische «Ministerpräsident» // Byzantinische Zeitschrift. 1955. Bd. 48. S. 309–338.
- Demetrius Cydonès.* Correspondance / publ. par R.-J. Loenertz. Studi e testi, 186, 208. Città del Vaticano, 1956. Vol. 1; 1960. Vol. 2.
- Dennis G. T.* The Reign of Manuel II Palaeologus in Thessalonica, 1382–1387. Roma, 1960. 142 p.
- Dölger F.* Johannes VI. Kantakuzenos als dynastischer Legitimist // Seminarium Kondakovianum. Praha, 1938. S. 19–29.
- Lucas.* Historia Byzantina / ed. I. Bekker. Bonn, 1834.
- Halecki O.* Un empereur de Byzance à Rome. Vingt ans travail pour l'union des églises et pour défense de l'empire d'Orient, 1355–1373. Warszawa, 1930. 389 p.
- Kianka F.* Byzantine-Papal Diplomacy: The Role of Demetrios Kydones // International History Review. 1985. Vol. 7. P. 175–213.
- Kianka F.* The Letters of Demetrios Kydones to Empress Helena Kantakouzene Palaiologina // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1992. Vol. 46. P. 155–164.
- Laonici Chalkocandylae* Historiarum demonstrationes / ed. E. Darko. Budapest, 1922–1927.
- Laurent V.* La date de la mort d'Hélène Cantacuzène, femme de Jean V Paléologue // Revue des études Byzantines. P., 1955. Vol. 13. P. 135–138.
- Laurent V.* La date de la mort d'Hélène Cantacuzène. Une précision // Revue des études Byzantines. P., 1956. Vol. 14. P. 200–201.
- Manuel Palaiologos.* Dialogue with the Empress-mother on Marriage / ed. by A. Angelou. Vienna, 1991. 136 p.
- Manuel II Palaeologus.* Funeral Oration on his brother Theodore / ed. and transl. J. Chrysostomides. Thessalonike, 1985. 368 p.
- Mioni E.* Una inedita cronaca bizantina (dal Mac. gr. 595) // Rivista di studi bizantini e slavi. Bologna, 1981. T. 1. P. 71–84.
- Nicol D.* The Family of Kantakouzenos (Cantacuzenus), ca. 1100-1460. A Genealogical and Prosopographical Study. Washington, 1968. 265 p.
- Papadopulos A. Th.* Versucht einer Genealogie der Palaiologen, 1259–1453. Amsterdam, 1962. 107 S.
- Prosopographisches* Lexikon der Palaiogenzeit. Wien, 1976–1994. Fasz. 1–12.
- Reinert S. W.* Political Dimensions of Manuel II Palaiologos' 1392 Marriage and Coronation. Some New Evidence // Novum millennium: Studies on Byzantine History and Culture dedicated to P. Speck / ed. by C. Sode and S. A. Takács. Ashgate, 2001. P. 291–303.
- Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken (Chronica Byzantina Brevoria). Wien, 1975. 3 vols.
- The Letters of Manuel II Palaeologus* / ed. G. Dennis. Washington, 1977. 252 p.
- Thiriet F.* Regestes des Deliberations du Senat de Venise concernant la Romanie. P., 1958. Vol. 1.
- Tinnefeld F.* Das Leben des Demetrios Kydones // Demetrios Kydones. Briefe / übers. und Erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1981. T. 1, Hbd. 1. S. 4–52.

Статья поступила в редакцию 13.09.2012 г.